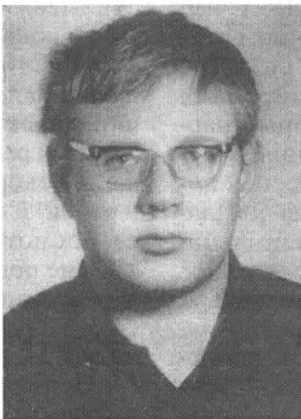

М.С. Пермяков**УНИВЕРСИТЕТ – НАШ МИР**

Как и великий энтузиаст Пьер де Кубертен (только чуть-чуть по другому), каждый из нас, выпускников, может и хочет воскликнуть: «О, Университет! Ты – мир!» Сотворение мира началось с уборки картошки в небезызвестном Красноуфимском районе. Обычная история с обычными молодыми студентами и их командиром, молодым преподавателем Владимиром Евгеньевичем Третьяковым. Правда, работали как оглашенные, держали знамя лучших в районе, отмечали все дни рождения, выучили весь положенный «минимум» студенческих песен, словом, приехали гении из разных концов необъятной Родины, а вернулись настоящим работоспособным 1-м курсом матмеха УрГУ. Про себя могу сказать, что многие приемы управления уборочной кампанией, подсмотренные тогда, – заранее размеченные участки работы звеньев, ночной выход в поле «копалок» с осололевшими, но уже трезвыми механизаторами, принципы азартного соревнования в таком нудном деле, как уборка, тактика и стратегия по организации сытной студенческой столовой, клуба и многое другое – я успешно применял затем в практике работы командиром студенческих уборочных отрядов. Потом настали вообще чудесные времена. Первую для нас лекцию в университете читал в знаменитой 81-й аудитории Валентин Константинович Иванов – самый скромный и великий из виденных нами своими глазами математиков. На

втором курсе его сменил только что приехавший из Москвы порывистый и увлеченный этой штукой под названием «жизнь математика» Орлен Михайлович Ильин. Вообще, какие только блистательные имена не мелькали каждый семестр в расписании лекций и семинаров – мэтр П.Г. Конторович со своими двумя гениями – доктором едва за тридцать Л.Н. Шевриным и

доктором далеко за двадцать Ю.Ш. Гуревичем, мудрый и надежный, как скала; Е.А. Барбашин, А.А. Меленцов, увлеченный всеми тогдашними вычислительными монстрами Ю.М. Репин. Уже не говоря о гордости советской математической школы, только что избранным в 34 года от роду членом-корреспондентом АН СССР, Н.Н. Красовском с его всеядной (в смысле преподавания любой математической дисциплины) командой в составе Ю.С. Осипова, А.Б. Куржанского, В.Е. Третьякова, Э.Г. Альбрехта, примкнувших чуть позже к ним наших товарищей А. Субботина и М.Гусева. Родную мне кафедру теоретической механики возглавлял С.Н. Шиманов, на ней только-только начинал свою преподавательскую деятельность В.П. Прокопьев.

Заранее прошу прощения, если кого-то здесь не вспомню, ибо не было на факультете преподавателя, который не достоин нашей благодарности. Да, были такие, кто не стал столпом науки, обладателем всех степеней и наград, но каждый из всех без исключения маститых и не очень был

в первую очередь значительной, запоминающейся личностью, мыслящим и сопереживающим человеком. Как тут не вспомнить талантливого и печального математика, одного из первых выпускников матмеха Х.Х. Мухаммеджана, преподававшего нам высшую алгебру. Иные, видимо, естественным путем просто сходили в самом начале дистанции. Замечательные люди, великолепные ученые работали и на других факультетах.

Думаю, это признак добротного, мирового класса вуза, если громадное большинство его профессорско-преподавательского состава составляют его же выпускники. Так в нашем университете было, так есть сейчас. Маленький штришок – на нашем факультете сегодня заместители декана – мои однокурсники – А. Макаров и Ю. Седов, а декан – М. Асанов. По преданию, которое последний мне рассказал, будучи комсоргом факультета я собственной рукой стукнул его на посвящении в студенты первокурсников всеми тремя томами Фихтенгольца (эквивалент – 2000 стр.) по голове – и с тех пор он на верном пути. Как говорится, без доказательства...

А деканами у нас, сменяя полюбовно друг друга, были педантичный Н.Ф. Сесекин, очень спокойный Ф.А. Шолохович и уже упоминаясь здесь Ю.М. Репин. С дисциплиной все было в порядке, хотя под определение дисциплины как философской категории подпадало на факультете нечто особенное. Посещение лекций и семинаров, особенно на старших курсах, и если не брать в расчет военную кафедру, по мнению студентов, было совсем необязательным. Это в общем неудивительно, странным было другое, в кодекс чести преподавателя входило не разубеждать студента в обратном. Я сам, посетив за 7-й семестр по совокупности около 20 пар, получил следующее порицание

от встретившего меня случайно (при такой-то явке вероятность этого события вообще была близка к нулю) в коридоре Сергея Никаноровича Шиманова: «Что-то ты, Миша, как в деканате рассказывали, совсем перестал на лекции ходить. Надо, надо ходить». Опять делом чести студента были сдача экзаменов и зачетов, демонстрация хотя бы приличного понимания предмета. Не надо думать, что мы предавались нудному «ничегонеделанью», жизнь бурлила, редко мы ложились раньше 2 часов ночи.

И все же, и все же. Время вернуться к вопросу, почему наш университет – наш мир. Наверное, во-первых, вне университета внешнего мира эти пять лет просто не существовало. Даже уехав за три тысячи километров к казахам на два месяца, мы возвращались с целины прокаленные солнцем и поджарые, как волки, отдав местным аборигенам целую улицу новеньких домов (правда, в отличие от нынешних привычек, взяв за это весьма приличные деньги) в составе университетского строительного отряда – университетским по духу, нашим студенческим законам и братству. Парадоксально, но факт – все творилось, не выходя за пределы родного вуза – ели, спали, учились, дружили, спорили и ругались, физически укреплялись, страдали, любили (что за прелесть были – нет, есть! – томные филологини, таинственные химички, суровые журналистки и нарождающийся в то время класс философий, уж не говоря о своих товарищах математичках и физичках). К слову, мы девушек на потом никогда не оставляли.

Во-вторых, и это главное. Университет – это царство основных человеческих ценностей, желание и умение учиться, преклонение перед Знанием и уважение к мыслителям, его нашедшим, понимание соразмерности трудов поколений и твоими сила-

ми, местом твоим в этих трудах, неуместность гордыни и тщеславия в тени великих, гордость за то, что может человек. В удивительной атмосфере университета создана возможность осмыслить эти ценности, воспринять их как часть собственных стремлений, превратить их в свою жизненную потребность. Университет создал нашу личность, породил нашу духовность, тягу к совершенствованию. Ведь в подавляющем большинстве своем критерием нашего поведения мы выбираем простой тезис – поступай так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой. (Легко формулируемый, но часто трудновыполнимый принцип.) Вот почему десятилетиями сохраняется студенческое братство, неугасимая любовь к Альма-матер, каждые пять лет мы спешим на встречи с однокурсниками, нам друг с другом комфортно. Выпускник университета узнает в незнакомце другого выпускника хоть в вокзальной толчее, хоть в лесной сторожке, стоит им перекинуться несколькими фразами.

И все же, как это делается. Восемь из десяти поступивших абитуриентов пришли с самосознанием, что они гении. (Два, которые так не думали, в течение года отсеялись). Способ исправления самосознания до безобразия прост. Тебе достаточно быстро доказывают, какой ты дурак, ломая тебе голову. Маленькое исчисление Ньютона оказывается изложенным на сотнях страниц, которые ты обязан не только знать, но и понимать, а еще и задачи решать. И вот ты к концу 1-го семестра с удивлением замечаешь, что тебя перестает мучить главная проблема мироздания – как представить себе бесконечность хотя бы пространства, не говоря уж о времени (с ним совсем плохо). Оказывается вся и любая бесконечность обладает всего одним свойством – сколько много из нее не вычerpывай, там остается

столько же бесконечно много. Тут же и «метр» предлагается. Возьми одну какую-нибудь, ну, самую простую бесконечность, докажи, что основное свойство имеет быть, а потом все остальные с ней сравнивай. Очень помогает решать задачи.

На скором экзамене тебе тихо намекнут, что дурак ты все же с перспективой стать нормальным молодым специалистом с окладом 110 рублей, но со временем и в непрекращаемых великих трудах. Чтобы сильно не задерживаться, скажу – дальше много чего есть: вот теория функций с комплексными переменными, тут, как вы помните, на одной мнимой единице люди школу бросали, а здесь спокойно говорят, что при определенных условиях прямая и окружность одинаковы по свойствам. А потом уравнения матфизики, такой гибрид получается – никто с ней не связывается. Добавьте теорию игр, где водителя-убийцу обучают прохожего убивать при любой его пробежке, без всяких шансов живым остаться; нелинейные колебания, которые в пух и прах раздолбал брат французского президента Пуанкаре. Много чего было, а еще истмат, диамат. «Мало не покажется», – как сейчас говорят. Вот голову на место и поставили.

Если говорить чуть-чуть серьезнее, то громадная работа студента-математика может дать результат только при осознании им, как использовать инструмент математики для отображения реальных процессов реального мира. Здесь не помогут натаскивание, дрессировка, заучивание. И умение университетского преподавателя направить, раскрыть возможности студента есть единственный путь познания. Этим искусством владели мои учителя, владеют мои товарищи, чьими усилиями держится, живет высшая школа, лучшая школа в мире, наш родной университет. Великое им спасибо!